

Внушая мужество, возвещающая грядущее

К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ БЕРТОЛЬДА БРЕХТА

венное траурное собрание. Выступают Иоганнес Бехер, Георг Лукач, Вальтер Ульбрихт. Со сцены звучат стихи Брехта, его мысль, его слово.

Иоганнес Бехер говорит:

— Брехт внушает мужество и возвещает грядущее. Брехт — это вера в поэзию и знание. Брехт — это будущее в настоящем, это грядущее столетие, уже начавшееся теперь. Так он и сам сказал: «Завтрашний урожай сегодня считай своим».

Вот уже пожалуй лет пятнадцать, как универсальный гений Бертольда Брехта — драматурга, поэта и прозаика, режиссера и теоретика театра — завоевал всемирное признание. Его пьесы прочно завладели подмостками театров Берлина и Гамбурга, Москвы и Нью-Йорка, Парижа и Варшавы, Праги и Лондона, Милана и Афин...

Смерть Брехта была встречена в прессе — подчас даже политически ему враждебной — некрологами с необычайно высокой оценкой его творчества.

«В лице Бертольда Брехта, — писал Себастьян Хаффнер, — Германия и мир потеряли творческого гения первой величины. Он был, без сомнения, величайшим немецким писателем своего поколения и, несмотря на существование Шиллера и Клейста, вероятно, величайшим драматургом из всех, которых знала Германия...»

Западные критики, отдавая дань признания Брехту, глубоко сожалели,

что великий художник одновременно и марксист. А марксизм не должен, по их мнению, прощаться даже «самым выдающимся». Среди крупнейших мастеров культуры нашего века, доставляющих опекунам общественного мнения на Западе немало огорчений и беспокойств, он занимает, пожалуй, первое место.

Так органически целостный образ Брехта в сознании многих западных критиков до сих пор раздваивается на враждебные друг другу фигуры: на «чистого художника», которого они готовы принять и приласкать, и на «злокозненного» марксиста, идеологического противника, к которому они питают сильнейшую неприязнь.

Брехт был неутомимо смелым исследователем, он в каждой пьесе по-новому экспериментировал — и никогда не возводил эксперимент в самоцель, не застревал на достигнутом. Интересно сопоставить произведения Брехта о гитлеровской Германии, написанные в разное время: «Остроголовые и круглоголовые» (1932—1934), «Страх и отчаяние в Третьей империи» (1935—1938), «Вполне удержимый подъем Артуру Уй» (1941). Сюжет «Остроголовых и круглоголовых», пародийная переделка шекспировской «Меры за меру», очень остроумен. Деление персонажей на «чихов» и «чухов» и связанные с этим ситуации, в которых судьба людей зависит от формы их головы, позволяет драма-

тургу обнажить и высмеять нелепость расизма. Драматический памфлет «Вполне удержимый подъем Артуру Уй» воспроизводит в форме пародии историю восхождения Гитлера. В комедийном действии выступает Догсборо-Гинденбург, Джигри-Геринг, Дживола-Геббельс и другие деятели того же толка, изображенные в виде чикагских гангстеров. Брехт стремился совместить здесь два плана — реальный, исторический, основанный на подлинных событиях недавнего немецкого прошлого, и вымышленный гротескно-аллегорический. Он хотел показать в пародийном иносказании все ничтожество, всю мелкость и мерзость фашистских лидеров.

Еще большей полноты и глубины разоблачения фашизма Брехт достиг в цикле «Страх и отчаяние в Третьей империи». Взятые вместе эти пьесы-миниатюры дают широкую, полную драматизма картину жизни разных слоев народа в гитлеровском государстве. Достаточно перечитать миниатюры «Шпик», «Жена-еврейка», «Меловой крест», «Правосудие», чтобы убедиться, что Брехт превосходно владел искусством безукоризненно достоверного воспроизведения действительности.

Брехт всегда хотел одного — воздействовать на зрителя в духе переломных идей времени.

Когда весной 1955 года Брехт приезжал в Москву, он еще не мог увидеть ни одной своей книги на

русском языке, ни одной постановки своих пьес в наших театрах. А сейчас вышли пять томов избранных драм, статей и стихов Брехта. Сегодня многие его пьесы идут в Москве и Ленинграде, в Таллине и Тбилиси, в Волгограде и Новосибирске. Издаются книги, посвященные Брехту, его творчество исследуют в статьях и диссертациях.

Когда говорят о бессмертии Брехта, это менее всего традиционно-поминальная лесть. Это — конкретная правда. Он живет не только в памяти друзей, читателей, зрителей, учеников и почитателей, не только в повседневной творческой работе сотен театров и тысяч артистов. Он живет и в неутихающей злобе врагов, которые в яростных кампаниях против Брехта требовали запрещения и бойкота его постановок, изъятия его книг из библиотек. Враги похитрее говорили и говорят о том, что «Брехт хорош только там, где перестает быть коммунистом», обвиняют его в грехах, которых он не совершал, скрывают или отрицают то, что он действительно говорил и писал.

Всей этой злобствующей в оружейной толпе ответил режиссер Эрвин Пискатор: «Кто вправе быть обвинителем или судьей Брехта? Лишь тот, кто в течение последних пяти десятилетий был бы выше его духом, был бы чище в искусстве, яснее в политике, определенной в предвидении и человечней в человечности, чем Брехт».

БРЕХТ живет в миллионах глаз, раскрытых над его книгами, устремленных на сцены и экраны. И у читателей, и у исследователей будет еще много радостных открытий, потому что Брехт — это неисчерпаемый пласт мыслей, живых образов и событий.

З. КАРИБДЖАНИЯ,

преподаватель института языков.